

И. Прыжов

**История кабаков в России в
связи с историей русского
народа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Прыжов**
История кабаков в России в связи с историей русского народа / И. Прыжов –
М.: Книга по Требованию, 2020. – 326 с.

ISBN 978-5-458-24324-7

Автор книги - русский историк, исследователь народного быта Иван Гаврилович Прыжов (1827-1885). Предлагаемый Вашему вниманию труд является частью амбициозного, но так и нереализованного автором грандиозного исследования о русской (славянской) культуре. Прыжов хотел «на основании законов исторического движения... проследить все главные явления народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования и вплоть до нынешнего дня первому дать возможность государству опознаться, ориентироваться в том, что было, что есть и чему должно быть, на основании умственно-социального уровня». Собирая материал для книги, Прыжов много путешествовал, ходил по деревням и городам Московской, Тверской, Владимирской губерний. «История кабаков в России в связи с историей русского народа» была издана М. О. Вольфом в 1868 году, но издание было сильно изрезано цензурой. Строго говоря, оно представляло только первый том исследования, а второй и третий тома были Прыжовым сожжены, так как в работе довольно ярко прослеживалась тенденция зарождения всех народных бунтов в кабацкой среде. «Целью нашей было изучить питейное дело со стороны той плодотворной жизни, на которой произрастали кабаки, сивуха, целовальники, - взглянуть на него глазами миллионов людей, которые, не умудрившись в политический экономии, видели в пьянстве божье наказание, и в то же время, испивая смертную чашу, протестовали этим против различных общественных благ, иначе пили с горя».

ISBN 978-5-458-24324-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рѣшаемся сказать нѣсколько словъ о томъ, чего могутъ требовать отъ насъ наши читатели. Первый томъ *Исторіи Кабаковъ*, первый посильный трудъ изученія питейнаго дѣла на Руси, былъ оконченъ еще въ 1863 году, и съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе сокращался въ объемѣ. Вслѣдъ за первымъ томомъ, такъ сказать, официальной исторіи кабаковъ, были заготовлены матеріалы для двухъ слѣдующихъ томовъ, именно историческій обзоръ кабацкаго быта, происхожденія и быта цѣловальниковъ, городскихъ пьяницъ (кабацкихъ ярыгъ) и несчислимой голи кабацкой, то есть нищихъ, бѣглыхъ, воровъ (бунтовщиковъ) и разбойниковъ.

Цѣлью нашей было изучить питейное дѣло со стороны той плодотворной жизни, на которой произрастали кабаки, сивуха, цѣловальника; — взглянуть на него глазами милліоновъ людей, которые, не умудрившись въ политической экономіи, видѣли въ пьянствѣ божье наказанье, и въ то же время, испивая *смертную чашу*, протестовали этимъ противъ различныхъ общественныхъ благъ, иначе *пили съ горя*. Но второй и третій томы, мы не сочли пока удобнымъ выпустить на свѣтъ божій а ограничились только первымъ.

И. Ирыковъ.

17-го Мая 1868 г.

ПОПРАВКИ.

Стр.	7	вмѣсто:	gilden	должно быть:	gilden
—	10	—	ib	" "	Jbn.
—	18	—	нш	" "	нш.
—	26	—	edends	" "	edendi
—	28	—	зедскаго	" "	зедскаго
—	37	—	bisbendi	" "	bibendi
—	57	—	корчмъ	" "	корчму.
—	87	—	А. Н.	" "	А. И.
—	91	—	царскихъ	" "	царскихъ.
	123	—	Нзблагодное	" "	неблагодное.
—	133	—	Ослабъвать	" "	ослабъвать (свидѣт. Оларія)....
—	146	—	1376	" "	1676.
—	151	—	Успенъе	" "	Успенъе.
—	174	—	вапцизною	" "	вапцизною.
—	190	—	slaban	" "	slahan
—	196	—	Куминъ	" "	Кулишъ.
—	205	—	гетамнъ	" "	гетманъ

На 113 стр. пропущено слѣдующее примѣчаніе, относящееся къ первымъ строкамъ.

*) Изображенія различныхъ казней, обычныхъ въ Москвѣ, можно видѣть въ приложеніяхъ къ запискамъ Корба, въ Чт. М. О. И. я Др. 1867.

I.

По свидѣтельству начальной лѣтописи, Русская Земля издавна имѣла свой *народъ*, жила по обычаямъ своимъ и по закону отцовъ своихъ, жила, какъ поетъ чешская пѣсня XI вѣка, *по правдѣ и по закону святу, юже принесешу отци нашимъ*. Эта — жизнь по правдѣ, которую народъ относитъ ко времени свѣтлаго князя Владимира, подобно тому, какъ Кельты уносятся въ своихъ воспоминаніяхъ къ королю Артуру, или Англо-саксы къ доброму королю Гродгару, — представляетъ вамъ первые твердые слѣды самобытнаго, свободнаго, исторически развившагося существованія народа....

Ни *мужиковъ*, ни *крестьянъ* тогда еще не было, а были *люди* *), — имя, которое доселѣ живетъ еще въ южной Руси (*люде*—народъ. Кулишъ, Зап. о Юж. Руси. I, 235)—былъ *народъ*, владѣвшій *землею* и состоявшій изъ *мужей* (Лавр. 93) и *пахарей* (ратай, оратай). Почтенный всеобщимъ уваженіемъ, ратай имѣлъ возможность мирно заниматься трудомъ, братски протягивая руку князю и княжому мужу, и вмѣстѣ съ ними устроая землю. Князья, *растя* — *матерья*, вели другъ съ другомъ родовые счеты, сѣяли землю коромо-

---

*) „Ярополкъ княжа Кыевъ. *Люде* бо Кыевъ послаша по нь“. Лавр. 132.
Исторія кабаковъ. 1

лами; но пахарь дорого цѣнилъ свое марное земское значеніе. И вотъ, склонившись предъ мощью оратая, князь Вольга Святославовичъ рѣшается спросить его объ имени—отчествѣ:

Ай же ты, ратаю-ратаюшко!
Какъ-то тебя именовъ зовуть,
Какъ величаютъ по отчеству?

На это говорить ратай князю таковы слова:

Ай же Вольга Святославовичъ!
А я ржи напашу, да во скерды сложу,
Во скерды складу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою,
Стануть мужички меня покликивати:
„Молодой Микулушка Селяниновичъ!“

Лучшіе мужи («лѣтшіе мужи») держали землю, рѣшали дѣла общемою народною думою*), и черты стараго земскаго человѣка народъ собралъ въ своемъ Ильѣ Муромцѣ, выразивъ въ немъ сознаніе всей полноты своей духовной и физической мощи. Во главѣ земскаго дѣла стояли совѣщательныя собранія народа, сельскія и племенные, *міры, вѣча и сеймы*. Старѣйшинами-вождями племень были *князья, вскормленники* Русской Земли (Лавр. 117), обязанные блюсти ея покой. Въ 1097 г. на любечскомъ сеймѣ князья говорили: «отъсель имѣемъ ся во едино сердце и блюдемъ *Русские земли*». Въ 1170 г., на съѣздѣ въ Кіевѣ князья положили: «а намъ дай Богъ за крестьяны и за русскую землю головы своѣ сложити, и къ мученикомъ причтеномъ быти». Объ этомъ добромъ земскомъ значеніи древняго князя, кромѣ свидѣтельства памятниковъ, говорить и неподкупная народная память. И народъ въ своихъ

---

*) „Деревляне собраша лучшіе мужи, иже дерержаху Деревскую землю.“— Сдумавше Поляне и вдаша отъ дыма мечъ. — Сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ.—Ростовцы и суздальцы *сдумавше вси*.“

былинахъ, и пѣвецъ Игоря въ своемъ *Словѣ*, одинаково увосются воспоминаемъ къ *первымъ русскимъ князьямъ*.....

Разселившись по землѣ и водѣ, весь народъ, съ примыкавшими къ нему инородцами, составлялъ одну землю, жившую однимъ и тѣмъ же земскимъ устроениемъ, но сообразно съ мѣстными особенностями. Силой, которая тянула другъ къ другу отдѣльныхъ членовъ общей русской семьи, было *братство*, сказавшееся особенно въ Новгородѣ, въ народоправномъ характерѣ *братчинъ*, въ южно-русскомъ обычаѣ *побратимства*, и въ послѣдствіи въ *братствахъ* юго-западной Руси. Братство, община, дѣло мирское, громадское, составляли основу жизни; скопъ былъ дѣломъ государственнымъ, съ цѣлью защиты земли. Всякій *домъ*, носящій у Скандинавовъ прекрасное названіе *tanakeimr*, *tinneheimr*, былъ мѣстомъ радости и веселья; подъ кровомъ роднаго очага, обоготвореннаго человекомъ, братски сходились русскій и славянинъ, свой родной и иноземець: «ту Нѣмци и Венецици, ту Греци и Моравы поють славу Святъславлю» (Сравни: Лавр. 34)!

Строй земской жизни проявлялся въ томъ веселомъ единеніи народа и князя-государя, которое мы встрѣчаемъ на пирахъ кievской Руси, древней Польши, еще жившей по славянски (M. Gall. I. 19, XI, 71), въ Чехахъ, и такъ далѣе, во всей Славянщинѣ. Общины и міры, города и села сходились на *игрища*, собирались на *братчины*, *пиры* и *бесѣды*, которыя, по старой памяти, доселѣ еще именуются у народа *почетными* и *честными*. На народный пиръ приглашали князя, на пиръ княжескій собирался народъ. Народная память донесла до нашихъ дней извѣстіе о пирахъ князя Владиміра. Изяславъ и сынъ его Ярославъ осенью 1148 г. давали пиръ Новгороду: «посласта подвойскѣи и боричѣ по улицамъ кликати, зовучи къ князю на обѣдъ отъ мала и до велика; и тако обѣдавшє, веселишася радостію великою и розъидошася въ своя дома». То же было въ Кіевѣ въ 1152 г.: «Вѣчьславъ

же уѣха въ Кіевъ, и ѣха къ святѣѣ Софи, и сѣде на столѣ дѣда своего и отца своего, и позва сына своего Изяслава на обѣдъ, и Кіаны всѣ». Въ общій строй жизни входила и церковь, которая учила: «егда творите пиръ, и зовете и братію и родъ и вельможи, или кто въ васъ возможетъ князя звати, и то все добро есть, то бо въ свѣте семъ чesътно. Призовите же паче всего оубогую братію, колико могуще по силѣ» (Опис. слав. рук. кн. II, 3, 89). Всякое мірское дѣло непременно начиналось пиромъ или попойкой, и поэтому въ соціальной жизни народа напитки имѣли громадное культурное значеніе. То были изстаринныя ячныя и медвяныя питья, которыя Славяне вынесли изъ своей арійской прародины, и шли съ тѣхъ поръ въ теченіи длиннаго ряда вѣковъ, вырабатывая свою культуру: *брага* (скр. *bgr*, *bhrj*, нѣм. *brauen*, *brüt* — варительница пива, потомъ невѣста, фр. *brasser*), *медъ* (скр. *madh*, *manth* — сбивать мутовкой, *madhu* — медвяный напитокъ, скнд. *mjodhr*), *пиво* (отъ славян. *пити*), *эль* (олуи, оловина) и *квасъ*, хмѣльной напитокъ, чисто славянскій, обоготворенный у сосѣдей Скандинавовъ въ образѣ вѣщаго Квасира *). Брага называлась *хмѣльной*, пиво *бархатнымъ*, меды *стоялыми*, квасы *медвяными*. Извѣстія объ этихъ питьяхъ идутъ отъ самой ранней поры исторической жизни народа. «Се уже иду къ вамъ», говоритъ Ольга Древлянамъ, «да пристроите *меды многи* во градѣ». Ольга пришла, совершила поминки по мужѣ, и «сѣдоша Древляне пити» (П. С. Л, I, 24). Поставивъ церковь въ Василевѣ, Владиміръ «створи праздникъ великъ, варя 300 проварь меду, и съзываше боляры своя, и посадники, старѣйшины по всѣмъ градомъ и люди многи» (Лавр. 54). По свидѣтельству новгородской лѣтописи подъ

---

*) Подробнѣе въ монографіи «О напиткахъ въ древнѣйшемъ быту славянскаго племени».

1016 г., дружина Ярослава такъ говорила князю: «онъ съ что ты тому велиши творитв? Меду мало варено, а дружины много». Андрей Боголюбскій «брашно свое и медъ по улицамъ на возахъ слаше» (Лавр. 150). Какъ увидимъ далѣе, питья эти, не смотря на порушенный уже строй жизни, продолжали славиться своею роскошью вплоть до XVIII вѣка. «А насъ, Россіянъ, писалъ Посошковъ, благословляя благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ и всякихъ питей довольствомъ; водокъ (настоекъ) у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ; пива у насъ предорогія (по качеству), и меды у насъ преславные вареные, самыя чистые, что нпчѣмъ не хуже рейнскаго, а плохаго рейнскаго и гораздо лучше» (Соч. Посош. 136). Было въ употребленіи и виноградное вино, извѣстное на Руси еще въ X вѣкѣ (П. С. Л. I, 28), и доступное даже простымъ людямъ *). Хмѣльные питья, пиво, брагу и медъ, всякій варилъ про себя, сколько ему нужно было для обихода; въ иныхъ случаяхъ варили питья семьями, міромъ, и то были *мірская бражка*, *мірское пиво*, какъ это дѣлалось и у Нѣмцевъ, проживавшихъ въ Новѣгородѣ **). У людей зажиточныхъ заведены были *медуши* (погреба), гдѣ стояли бочки медовъ, живъ и иностранныхъ винъ. Въ 1378 г. за рѣкой Пьяной русскіе воины ѣздили безопасно, «а гдѣ ваѣхаша въ зажитіи медъ и пиво, испиваху до пьяна безъ мѣры». Въ Москвѣ, при нашествіи Тохтамыша, «недобріи человекъци начаша обходить по дворамъ, и износяще изъ погребовъ меды господскіе и

---

*) Въ софійской лѣтописи подъ 1476 г. записано: «и придоша къ нему (къ моск. царю) Някитины улицы два (старосты) Григорій, Кипріяновъ сынъ, Арбузевъ, да Василей Фоминъ, а явили отъ обонихъ улицъ бочка вина краснаго». И далѣе: «мнози жьтъи люди стрѣтоша его вси съ виномъ» (П. С. Л. VI, 201).

**) Въ правилахъ нѣмецкой конторы (XIV в.) постановлено было: «кто (изъ нѣмцевъ) останаеся (въ Новѣгородѣ) до времени варки меда, когда смѣшивается вода, медъ и хмѣль, тотъ долженъ участвовать въ общихъ издержкахъ».

упивахуся до великаго п'яна» (Пам. XII в., 183; IV Новг. 73; П. С. Л. IV, 120). Въ 1146 г. Изяславъ «дворъ Святославль раздѣли на 4 части, и скотыницѣ, бретьяницѣ (см. *Бортьяница*, или серб. *братъеница*, какъ думали другіе С. Отеч. V. III. 63), и товаръ, иже бѣ не мочно двигнути, и въ *погребѣхъ* было 500 берковьсковъ (берковцевъ) меду (около 5,000 пуд.), а вина 80 корчагъ» (Ипат. 27). Въ словѣ XII в. такъ описывалась старинная зажиточная жизнь: «питіе же многое, медъ и квась, вино, медъ чистый пшп'ряный, питья обнощная съ гуслими и свирѣльми, веселіе многое» (Изв. Ак. X, 548). Какъ видно изъ Олеарія (1639—1643), богатые погреба домашнихъ питей существовали до второй половины XVII в. «Пиво — говоритъ онъ — сохраняется у русскихъ въ погребахъ, въ которыхъ сначала кладутъ снѣгъ и ледъ, потомъ рядъ бочекъ, потомъ опять ледъ и опять бочки, и т. д.; верхъ закрывается соломой и досками, такъ какъ подобныя погреба открываются сверху. Устроивъ такимъ образомъ свои погреба, они опускаютъ бочку за бочкою и пьютъ пиво ежедневно. Сохраняясь въ подобныхъ погребахъ, пиво въ продолженіе цѣлаго года остается холоднымъ и притомъ не теряетъ вкуса» (Олеар., гл. V). Поэтическій образъ такихъ погребовъ сохранился у народа въ слѣдующемъ прекрасномъ отрывкѣ одной былины:

Какъ водочки сладкія, меды стоялме
Повѣшены въ погреба глубокіе въ бочкахъ сороковкахъ,
Бочки висятъ на цѣпахъ на желѣзныхихъ,
Туда подведены вѣтры буйныя;
Повѣютъ вѣтры буйныя въ чистомъ полѣ.
Пойдутъ какъ воздухи по погребамъ, —
И загогочутъ бочки, какъ лебеди,
Какъ лебеди на тихихъ на заводахъ:
Такъ отъ того не затхнутъ водочки сладкія,
Водочки сладкія, и меды стоялме;
Какъ чару пьешь — другой хочется,
Другую пьешь — по третьей душа горить.

(Рыб. Сборникъ).